

9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М.: Канон-Пресс-Ц Кучково поле, 1998. – С. 195–323.
10. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 5–23.
11. Дьюи Дж. Демократия и образование. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
12. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1977. – Т. 3. – 452 с.
14. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

Поступила 26.04.2010 г.

УДК 159.955:39

«МОДЕЛИ МИРА» КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ ЭТНИЧНОСТИ

М.А. Штанько

Томский политехнический университет
E-mail: nikam13@rambler.ru

Статья посвящена проблеме отражения этничности в сознании человека. Обуславливая необходимость разработки комплексной методологии разрешения этнического конфликта, выделяется категория «модель мира» в качестве фундаментального основания предложенной методологии. Дается характеристика базовых категории «этничность» и «модель мира» с позиций конструктивизма. Обоснована необходимость анализа этничности в контексте «модель мира». Выделены причины дискуссии о значении этничности во второй половине XX в. В контексте характеристики процесса институционализации этничность сделан вывод о том, что этничность является одной из форм знания о реальности. Подтвержден конструируемый характер этничности.

Ключевые слова:

Этничность, реальность, мир, действительность, этнос, социум, опыт.

Key words:

Etnichnost, reality, peace, ethnos, society, human experience.

Деятельность общества всегда являлась предметом многочисленных исследований и споров. Выяснение причин, по которым люди ведут себя так, а не иначе, анализ факторов, влияющих на реакцию общества, проблема формирования условий эффективной деятельности общества, – все это заставляет исследователей обратиться к глубинным истокам человеческого поведения. Попытки выявить психологические, антропологические, социологические, политические и другие основания социальной деятельности привели к своеобразному выводу о наличии некоего «образца» поведения. Дальнейшие исследования в этом направлении позволили сделать вывод о том, что поступки людей, преимущественно, продиктованы так называемой «моделью мира». Невозможность однозначно объяснить мотивы, по которым человек выбирает ту или иную линию поведения, заставили специалистов гуманитарного знания сосредоточить свое внимание на поисках принципиальных характеристик «модели мира». Необходимость подобного исследования, в значительной степени, была продиктована все более напряженной конфликтной атмосферой мира во второй половине XX в.

Взросшее количество конфликтов был ничем, по сравнению с уровнем этнической напряженности. Распад СССР повлек за собой не только «взрыв» межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, но и возникновение новых

очагов этнической напряженности и активизацию «затухших» было вулканов этнических конфликтов. Необходимость разработки эффективной методики решения этнических проблем заставила ученых задуматься над основаниями комплексной этнической методологии. Такое решение позволило бы объединить наработки в области социальной философии, прикладной политологии и этнографии в единое целое. При этом анализ этнического конфликта приобретал бы целостный характер, а не представлял откровенный уход в исторические, политические или экономические проблемы.

Вопрос о выборе фундаментального основания комплексной методологии исследования этнического конфликта является едва ли не самым главным. На каких критериях необходимо сосредоточить свое внимание, анализируя конфликт, – вот та проблема, решить которую возможно только при помощи последовательного соотнесения отдельных методов друг с другом. Совершенно очевидно, что при анализе конфликта нам потребуется и структурно-функциональный анализ, и аксеологический подход, и историографический метод, и связанные с ним методики анализа «исторической памяти», и возможно, методика бинарных оппозиций. Выявить единое методологическое основание при столь обширном исследовательском инструментарии достаточно непростая задача, так как при ее решении мы сталкиваемся с необходимо-

стью разработки универсального методологического концепта. Вероятность увязывания столь разнородных методов в единое целое с тем, чтобы не произвести подмену одного метода на другой и тем самым потерять при анализе важный фрагмент – минимальна. Таким образом, возникает необходимость сосредоточить свое внимание на предмете анализа и при выборе инструментария ориентироваться, в первую очередь, на содержание понятия «этнический конфликт».

Современное гуманитарное знание насчитывает не один десяток определений «этнический конфликт». Подобное многообразие характеризует не только неослабевающий интерес к указанной проблеме, но и не меньшее методологическое разнообразие в процессе ее исследования. Условно, все походы к пониманию сущности «этнический конфликт» можно разделить на две группы: функциональную и ценностную. Определения первой группы рассматривают конфликт как противоречие, вызванное несовместимыми и несогласованными действиями конфликтантов, а в рамках понимания второй группы этнический конфликт – это противостояние участников на уровне идейной (ценностной) несовместимости. Другими словами, в одном случае было сделано что-то не так, и поэтому произошел конфликт, а в другом случае было подумано (придумано) что-то не так и поэтому опять же произошел конфликт.

Подобное условное деление позволяет нам выделить, соответственно, два направления для исследования этнического конфликта. Первое – изучение символической составляющей, оформленной в виде национальных идей, ценностей, традиций. Вторая линия анализа предполагает изучение специфики функционирования этноса в пространственно-временном континууме. Следует отметить, что линии данного анализа мы не можем обособить друг от друга, так как в своей деятельности люди всегда руководствовались определенными мотивами и представлениями. Представить себе, что поступки этнических субъектов осуществляются автономно и независимо от этнического самосознания – не только грешить против истины, но и нарушать все известные научные законы. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в основе любого конфликта лежит некая предопределенность. Именно благодаря этой предопределенности люди ведут себя так, а не иначе. В то же самое время, исследуя это предопределенность, мы получим ответ не только на вопрос о специфике функционального противостояния, но и об особенностях национального символического набора. Объединяя в единое целое представления о поведении и особенности поведения, мы, в качестве результата, получаем «модель мира», которой человек руководствуется в конкретно-ситуационных условиях. Именно «модель мира» имеет смысл определить в качестве основания комплексной методологии.

Вопрос о сущности «модели мира» является ключевым при попытке осмыслить ее форму отра-

жения этничности, которая, в свою очередь, позволит понять глубинные причины этнического поведения. Принципиальной особенностью «модели мира» является ее локальность. Безусловно, в ней обобщен индивидуальный и коллективный опыт человека, но вместе с тем, она является своеобразным зеркалом, в котором находят свое отражение субъективные убеждения и ценности. «Модель мира», по большому счету, позволяет человеку понять, как ему вести себя в конкретных условиях. Любая модель предполагает упрощенное видение ситуации. Набор самых элементарных характеристик «программирует» человеческое поведение и таких «программ» у индивида может быть несколько. Выполняя функции «карты», «модели мира» дают возможность ориентироваться в условиях окружающей человека действительности, как по компасу, проверяя правильность выбранной линии поведения. Другими словами, «модель мира» в процессе своего функционирования разделяет бытие на составные элементы. Через нее невозможно воспринимать единство мира, да и не в этом заключается ее ценность. Преимущество любой модели – возможность оценить деятельность социальных акторов до того, как они начнут ее осуществлять. Особенно важно это в условиях этнической напряженности.

Выяснить специфику активности этносов ориентируясь не только на чувственный опыт, а анализируя рациональную составляющую – вот задача, которая может быть решена посредством изучения «моделей мира». Абсолютизировать наши ощущения по поводу окружающей действительности невозможно, ровно так же, как и нельзя характеризовать поведение людей, опираясь исключительно на рациональную составляющую. В мировосприятии любого этноса эти два потока получения информации слиты воедино. Сложность описания «модели мира» всегда будет заключаться в том, насколько доминирует та или иная составляющая, так как источники познания мира могут быть самыми разнообразными.

Несмотря на проблему соотношения чувственной и рациональной составляющей «модели мира», мы всегда должны помнить о том, что эта модель отражает, какое информационное пространство она охватывает. Как уже было сказано выше, любая модель является отражением вполне конкретной стороны бытия. Применительно к проблемам этнического конфликта, этой стороной является представления народа о себе самом и о том, какую роль он играет в современном мире. Признаки, по которым люди «узнают» друг друга в многоэтническом пространстве и цели, к которым они стремятся в качестве этнической целостности лежат в основе этнической «модели мира». Осмыслить содержание ответов на эти вопросы можно будет только тогда, когда мы сформулируем принципиальные характеристики этничности.

Следует отметить, что вокруг определения «этничность» вот уже долгое время ведутся многочи-

сленные дискуссии. С начала 70-х гг. XX в., когда в одно и то же время шли процессы формирования новых государств, разрушалась колониальная система и осложнялись межэтнические отношения в ряде индустриальных стран, проблема этничности обсуждается в рамках различных форм гуманитарного знания, а том числе, социально-философского, политико-философского, этнографического, психологического и др. 80-е и 90-е гг. XX в. заставили ученых пересмотреть сложившиеся представления об этничности, которые условно были объединены в четырех подходах: инструменталистском, структуралистском, конструктивистском и примордиалистском. Подобная ситуация была продиктована, преимущественно, тем, что существующее знание никоим образом не пролиvalo свет на внутренние механизмы национального конфликта и национальных движений.

Думается, что попытка объяснить подобные явления с традиционных позиций неизбежно будет наталкиваться на непреодолимые препятствия. После того, как мир ста свидетелем рухнувшего конструкта «советский народ», к определению этничности вообще и этноса в частности стали относиться с еще большим трепетом. Невозможность полноценно объяснить смысл этничности исключительно с позиций философского и исторического знания, заставляет нас обратиться к конструктивизму, как более приемлемому способу анализа обозначенной категории. Это будет тем более уместно, что большинство исследователей явно или неявно склоняются к символической природе этничности. Не проводя жестких социальных критериев этноса как группы или как общности, хотелось бы отметить, что он формируется посредством культурного самоопределения по отношению к другим социальным единицам. На этом основании, этничность естественным образом представляет как продукт социального конструирования. Благодаря тому, что человек определяет себя как часть какого-либо этноса, он и приписывает себе определенные характеристики, типичные для данного народа.

Источник возникновения данных характеристик — в сознании. Совокупность признаков, благодаря которым возможно отождествление себя с тем или иным этносом, есть не что иное, как целенаправленное желание (стремление) людей достичь вполне конкретных целей. Члены этноса верят в то, что они объединены естественно-природными и культурно-идеалистическими связями. Потребность в объединении на каких-либо основаниях диктует им особый тип поведения. Другими словами, этничность является особой формой знания о мире, пусть даже и о воображаемом мире. В этничности фиксируются границы референтной группы, которые определяют специфику организации отношений, комплекс представлений о сущности группы, внутриэтнические отношения и, наконец, собственно характеристики этноса, дифференцирующие его в социальном многообразии. Ве-

ра в самобытность собственной культуры вкупе с мифом об общей исторической судьбе этноса, в конечном итоге, и формирует специфическое представление об окружающем мире. Таким образом, создана этническая реальность, но остается проблема этнического опыта. Ведь знание о мире складывается из двух видов символического материала: «значимого-для-себя» (индивидуального) и «значимого-для-других» (коллективного).

В том случае, если условия существования и функционирования этноса не позволяют получить ему опыт адекватный этнической «модели мира», то этнос берет на себя задачу создавать новые условия, соответствующие его этничности, или трансформировать существующую ситуацию к своим потребностям. И в одном, и в другом случае мы имеем возможность наблюдать тенденцию несоответствия желаний и возможностей этноса. Подобное противостояние есть конфликт сознания. «Модель мира», закрепившая определенные представления об этнических правах и возможностях, не учла другой стороны и обстоятельства действительности. В данной связи наглядно продемонстрирован локальный характер этничности, которая концентрирует в себе характеристики, необходимые для идентификации социальной единицы в качестве этноса.

Необходимость закрепления признаков этничности в сознании человека приводит к тому, что начинается процесс ее институционализации. Этот процесс может протекать на разных уровнях, в частности, социокультурном и политическом. В первом случае инициатором выступает сама этническая единица, во втором — государство. Социокультурная институционализация направлена на сохранение в качестве стабильной системы базового символического набора этничности. Для этого формируется система этнических традиций, обрядов, условий и правил заключения брака, особая организация быта и др. Оформляя свою этническую уникальность как институт, этнос поддерживает свои же собственные конструкты. «Модель мира», таким образом, проходит очередной период конкретизации и локализации. Значимость социокультурных институтов огромна. Они не только конструируют внутриэтническую систему ценностей, но и в глазах других формируют так называемый «имидж этничности». Это оказывает влияние не только на отношение всего общества к этносу, но и повышает этническую самооценку. «Имидж этничности» как «модель мира» определяет поведение этнических субъектов и заставляет их протоколизировать свои действия. Поддержание выбранного имиджа не только консолидирует этнос, но и привлекает к нему новых членов, что в очередной раз подтверждает его конструируемый характер. Стремление приобщиться к этнической единице, стать «одним-из-них» заставляет человека создавать «модель мира», в которой наличествовали бы характеристики понравившегося этноса. Эта модель либо заменит существовавшую ранее,

либо будет совершенно новым конструктом, либо трансформирует ту модель этничности, которая уже была.

«Имидж этничности» как «модель мира» может оказать большое влияние на политическую институционализацию. Связано это с тем, что изначально категория «имидж» получила свое распространение именно в рамках политических прикладных исследований. Формирования политического имиджа, которые привлек бы к политическому лидеру или политической партии максимальное количество голосов избирателей, — задача, решение которой целиком и полностью лежало на плечах политических имиджмейкеров и специалистов в области пиара. С течением времени, подтвердилась эффективность конструирования имиджа и в области международных, но опять-таки политических отношений. Сделать государство или страну привлекательнее или, наоборот, сформировать о ней отталкивающее представление, в сущности, далеко не новая задача. Известное всему миру противостояние капиталистического и социалистического лагеря во многом было построено именно на этих требованиях.

С течение времени оценили возможности наработок в области имиджологии и исследователи этнических конфликтов. Попытка сконструировать привлекательный образ этноса, пожалуй, не самая легкая задача, если об этом этносе ничего не известно за пределами его границ. Необходимость транслировать об этносе информацию позитивного характера приводит к тому, что и сами его представители должны своими действиями эту информацию подтверждать (или опровергать). В этой связи очень важна политическая институционализация, поскольку, именно благодаря институционализации, этносы получают возможность участвовать в различного рода политических процессах государства, а также распространять информацию о себе в рамках научного знания. Первая возможность реализуется при помощи системы права, а вторая — системы образования.

Система права, пожалуй, является более значимой, поскольку наглядно отображает те требования и условия, которые государство предъявляет данному этносу. Институционализация политических прав и свобод, политического статуса, размер национальной квоты в органах власти, условия получения документов государственного образца, возможности трудоустройства, — вот лишь неполный список правовых рамок, в которых функционирует этнос. Нарушение их, с очевидностью, влечет наказание, которое, в свою очередь, может носить специфически-институционализированный характер. Опираясь на эти требования, представители этноса в политическом процессе участвуют либо в качестве полноценных политических акторов, либо в качестве пассивных субъектов. Естественным образом происходит и уточнение «модели мира» в аспекте места и роли этноса в современном обществе и государстве. Формирование государством аде-

кватных условий для этнических единиц, включающих в себя широкий спектр возможностей политического участия, расширенного партийного представительства, политической деятельности и т. п. позволит этносу не только осознать себя как часть данного государства, но и обеспечит поддержку действующей власти со стороны этнических единиц. Подобная рокировка поможет снизить уровень межэтнической напряженности и сконструирует позитивный имидж власти в глазах всего населения и отдельных социальных единиц.

Институционализация этнического образования, как правило, предполагает своеобразную унификацию знаний. Проблема соотношения традиционно-государственного и специально-этнического знания приводит к тому, что необходимо вводить дополнительные образовательные единицы. Это можно сделать как в условиях высшего, так и в условиях среднего и средне-специального образования. Предполагается, что возможность заниматься изучением национального языка, национальной культуры, национальной символики — личный выбор этноса. При этом необходимо решить проблему участия в этом процессе представителей других наций. В том случае, когда инициатива знакомства с системой национального образования носит осознанно-мотивированный характер, все будет зависеть от позиции этноса. Насколько он готов расширить свои этнические границы за счет новых членов? Насколько он готов транслировать свое специфическое знание в общество? Подобные вопросы, как правило, в условиях тоталитарного режима решаются государством, а в условиях демократии — в специальных школах. Государство, преимущественно, занимает позиции универсальности образования, и вопросы об этническом образовании оставляет на усмотрение самих этносов. Не препятствуя их инициативе, но и особо не поощряя ее, система государственного образования оставляет возможность для культурно-национального самоопределения. Подобная позиция позволяет обогатить специфику этничности собственным культурным запасом. Приобщаясь к этническому знанию, человек ощущает все большую сопричастность этнической общности и его «модель мира» все более локализуется.

В целом, процессы социокультурной институционализации направлены на сохранение и утверждение этносом собственной уникальности, а политическая институционализация показывает готовность государства поддержать этнос в подобном стремлении. Интенсивность этих процессов в максимальной степени находит свое отражение в различных формах проявления этничности.

Систематизация этих форм на материале подробного анализа деятельности социально-антропологических исследовательских школ была дана петербургским ученым Н.Г. Скворцовым, выделившим три формы проявления этничности: атрибутивный, субъективно-символический и интеракционный.

Атрибутивный аспект преимущественно закрепляет проявление культурных качеств, выступающих основой для формирования общности. К подобным качествам относятся: язык, этноним, историческая память, особенности материальной культуры, ритуалы, модели поведения, религия и др. Культурные атрибуты и поведенческие модели (стереотипы) обуславливают формирование групповой идентичности, коллективного «мы».

Субъективно-символический аспект (аспект идентичности) проявления этничности фиксирует этническую общность как переживание индивидом своей принадлежности к референтной группе. Такая идентичность формируется на основе осознания общности происхождения, традиций, ценностей, межпоколенной преемственности культуры и пр.

Интеракционный аспект проявления этничности возникает в системе межгруппового взаимодействия различных этнокультурных групп. Именно в ситуации, когда члены групп осознают свое отличие друг от друга, в качестве критерия, выступает их культурная спецификация. Именно поэтому этничность всегда производна от межгруппового взаимодействия, имеет символическую природу и часто бывает спровоцирована политическим контекстом.

Выделение в качестве функциональных аспектов этничности атрибутивный, субъективно-символический и интеракционный в очередной раз подтвердилась непреложная истина о том, что природа этничности духовна, а не материальна. В этой связи, закономерен вопрос о том, как и в каких формах этничность находит свое отражение.

Отождествляя этничность с одной из форм знания о реальности, характерной для конкретной этнической общности, мы имеем возможность анализировать ее как продукт культуры, который хранит знания о мире и передает их из одного поколения в другое. Основным продуктом человеческой культуры, являющимся необходимым для хранения и расширения знаний о реальности, в том числе о ее характеристиках и структуре, выступает определенная знаковая система. Знаковые системы самого разнообразного характера, будучи зафиксированными в культуре, дают людям возможность взаимодействовать друг с другом. При этом следует отметить, что изменение внешних и внутренних условий коммуникативного процесса отражается и на символах, которые могут менять свое значение, сохраняя в неизменности форму. Детерминируя эту знаковую систему как модель, мы, тем самым, имеем возможность говорить о наличии «представителя» реальности в практической и в теоретической деятельности общества. Исследование моделей реальности позволяет совершенствовать способы их построения, управления и трансформации [1].

«Модели мира» характеризуются совокупностью символов «значимых-для-других», которые отражают коллективные представления типичные

для данного общества. Универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой. Они образуют так называемую «модель мира». При помощи этой «сетки координат» происходит восприятие действительности. На основе этого восприятия, позднее, осуществляет формирование образа мира. Данный образ будет существовать в сознании людей и определяться как «модель мира». «Моделью мира», которая сформируется в данном обществе, человек будет руководствоваться постоянно во всем своем поведении. При помощи категорий, входящих в ее состав, индивид отбирает импульсы и впечатления, источником которых является внешний мир. После этого отбора происходит процесс преобразования их в индивидуальный внутренний опыт [2. С. 31]. Соответственно, модель этнической реальности представляет конструкцию, отражающую видение человеком этноса и своего места в нем. В качестве основания для данной модели выступает модель мира. В модели этнической реальности находят свое отражение характеристики социального пространства, являющегося особенным для определенного этапа социально-исторического развития общества. Вместе с тем, в этой модели отражается и степень вовлеченности индивида в этнический процесс.

Но следует помнить, что спецификой этническую реальность наделяют символы «значимые-для-себя», которые зависят от объема символического опыта, формирующегося вследствие опосредованного или непосредственного участия человека в этнических процессах. Степень непосредственного участия может быть проанализирована на двух функциональных уровнях: уровне социума и уровне элиты. Опосредованное участие человека предполагает получение информации об этносе и представлено в двух формах: научной либо обыденной. Их выделение позволяет исследовать манипуляцию как способ динамики картины мира этноса.

Знаковая форма коммуникации позволяет превратить индивидуальный опыт человека в социальный. Благодаря этому возможно накопление, историческая трансформация и закрепление достижений индивида. Руководствуясь социальным и индивидуальным опытом, человек формирует собственные представления о мире. Данные представления оформлены в виде пространства символического характера [3. С. 128].

В процессе жизнедеятельности человек реализует собственные силы и стремления и открывает их новые возможности. Индивид может расширить границы своего мира и создать принципиально другую форму универсума. Именно она поможет ему приспособиться к окружающему миру. Такой универсум называется символическим.

Будучи высшей конструкцией общества, символический универсум осуществляет конструирование при помощи социальных объективаций. Этот универсум позволяет объединить разрозненные институциональные процессы, благодаря чему

весь социум становится обладателем смысла. Легитимация всех институтов и ролей становится возможной только посредством включения в смысловой мир.

Можно сказать, что символический универсум в жизни индивида «расставляет все по своим местам». Он является гарантом практически совершенной легитимации институционального порядка. Если говорить о социальной значимости символического универсума, то он выступает защитным механизмом для институционального порядка и биографии индивида. Вместе с тем, он дает возможность понять содержание социальной реальности.

Таким образом, можно сделать вывод о фиксации характеристик этничности в «модели мира». Стремление к их сохранению заставляет пред-

ставителей этноса постоянно воспроизводить свои особенности в функциональном ракурсе. Таким образом, открытость (замкнутость) этнической общности связана с тем, как она позиционирует себя в окружающей мире. Готовность или нежелание к расширению численности приводит к динамичности или статичности «модели мира». Вместе с тем, данная конструкция имеет устойчивый и стабильный характер, что позволяет этносам на протяжении длительного времени и множества поколений подряд транслировать актуальные для себя свойства и качества. Подобный процесс открывает доступ не только к глубинному пониманию этнических ценностей, но и дает возможность проанализировать функциональные ориентиры и акценты этноса в процессе его существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штанько М.А. Философские проблемы конструирования политической реальности: символический аспект: Дис. ... канд. философ. наук. – Томск, 2004. URL: <http://dissertation2.narod.ru/DISS2005/17-5.htm> (дата обращения: 18.04.2010).

2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

3. Потемкин В.К., Симанов А.Л. Пространство в структуре мира. – Новосибирск: Наука, 1990. – 174 с.

Поступила 21.04.2010 г.

УДК 008

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАЦИИ В НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

И.С. Ильин

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

E-mail: ilin14@yandex.ru

Предпринята попытка показать нравственность как идентифицирующее начало национальной исключительности. Делается вывод, согласно которому основанием всего, что характеризует народ и как национальную и как культурную единицу является специфический мир нравственных представлений. Утверждается неизменность основных черт национального менталитета, несмотря на любые исторические изменения.

Ключевые слова:

Мораль, менталитет, этика, традиция, право.

Key words:

Morality, mentality, ethics, tradition, law.

Происходящий в современном мире процесс глобализации, как стало очевидным, плохо сочетается с национальными, культурными традициями исторически сложившимися в странах-участниках за исключением лидеров движения, которыми являются США и Западная Европа. Вместо того чтобы следовать единению при сохранении разнообразия предлагается, в частности, следовать идеологии, в которой утверждается существование изначального духовно-культурного единства всего человечества или утверждается существование общечеловеческих ценностей. Именно такая политика, как показывает современный опыт мировой истории, оказывается малоперспективной. Достижения, которыми гордится современный Запад и ко-

торым он придает универсальное значение, утверждает их как общечеловеческие ценности, плохо приживаются, даже при желании их заимствования, в других странах. Например, правовое демократическое государство фактически продолжает существовать только в странах Запада. Практически встает вопрос о непроходимых границах между различными национальными культурными образованиями, не позволяющими им органично слиться в некое единое общечеловеческое целое [1]. Речь идет не просто о специфике внешнего поведения. На сколько такое поведение может быть изменено? А это значит, что перед нами стоит следующий вопрос: что изначально определяет такую специфику, позволяя людям идентифицировать себя с другими